

Анатолий Иванов

ПУТЕШЕСТВИЕ В «НЕИЗВЕСТНУЮ» ПОЛЬШУ

Полемика между А.М. Ивановым и П.В. Тулаевым

В Вестнике Родового Славянского Веча «Слава!» (№.4, 2006) помещена большая статья Павла Тулаева «Неизвестная Польша». После ознакомления с этой статьей, неизбежно приходишь к печальному выводу: «Слава!» не стяжает себе славы, публикуя подобные материалы.

Да, Польша не вызывает сегодня у нас особого интереса, хотя опрометчивое объявление 4 ноября национальным праздником всколыхнуло воспоминания о делах давно минувших дней, о событиях, связанных именно с Польшей, но толкуемых вкривь и вкось, что отнюдь не способствует преодолению застарелой вражды между нашими народами, несмотря на благие пожелания официальных лиц.

Я не думаю, будто «негра или китайца нынче в Москве можно встретить гораздо чаще, чем поляка». Негр или китаец просто бросаются в глаза, но я не уверен, что можно безошибочно распознать поляка в толпе русских. Если вы захотите увидеть сразу много поляков, придите в Собор Непорочного Зачатья на Малой Грузинской. Правда, и там я однажды видел негра, который прислуживал священнику, но не могу все же утверждать, что там было больше негров, чем поляков.

Да, у нас есть штампованные представления, вроде того, что «Пушкин дружил с Мицкевичем». Но уже одно упоминание имени Мицкевича дает великолепную возможность показать «неизвестную Польшу», ту Польшу, которую не только русские, но и сами поляки не очень-то хорошо знают. П. Тулаев, к сожалению, этой возможностью не воспользовался.

А. Мицкевич был выслан в Россию после разгрома т.н. «союза филоматов», сложившегося в Виленском университете, и появился в Петербурге в 1824 году. Он познакомился со многими русскими писателями и, как уверяли советские учебники, «на всю жизнь сохранил глубокое чувство дружбы к А.С. Пушкину и называл его «певцом вольности».

Отнюдь ни «на всю жизнь». Польское восстание 1830—1831 годов сделало Пушкина и Мицкевича врагами, и Мицкевич стал называть своего бывшего дру-

га совсем иными словами. Вот что писал он в 1832 году в послании «Русским друзьям», понятно, кого имея в виду:

*Быть может, золотом иль чином ослеплен,
Иной из вас, друзья, наказан небом строже:
Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрю царя или вельможи.
Иль, деспота воспев подкупленным пером,
Позорно предает былых друзей злословью,
Иль в Польше тешится награбленным добром,
Кичась насильями, и казнями, и кровью.
...А если кто из вас ответит мне хулой,
Я лишь одно скажу: так лает пес дворовый
И рвется кусать, любя ошейник свой.
Те руки, что ярмо сорвать с него готовы.*

Озлобление Мицкевича против «изменника идеалу» можно было бы понять, но те, кто знает, каковы были подлинные идеалы самого Мицкевича, скажут более точно, с кого именно и какое ярмо он хотел бы сорвать.

А.И. Герцен, при всем своем сочувствии польскому освободительному движению, смотрел на него очень критически. Он писал: «Католицизм, так мало свойственный славянскому гению, действует на него разрушительно... у поляков католицизм развил ту мистическую экзальтацию, которая постоянно их поддерживает в мире призрачном. Если они не находятся под прямым влиянием иезуитов, то, вместо освобождения, или выдумывают себе кумир или попадают под влияние какого-нибудь визионера. Мессианизм, это помешательство Вронского, эта белая горячка Товянского, вскружил голову сотням поляков и самому Мицкевичу».

Скажут, это взгляд со стороны. Хорошо, предоставим слово коренному поляку. Вот что пишет о самом знаменитом польском поэте Антоний Вацик, один из руководителей неоязыческого общества «Задруга», возникшего в Польше между двумя мировыми войнами:

«В недобрый час появился пророк... Адам Мицкевич. Если существует в народе то, что... называют инстинктом самоубийства, то Мицкевич был его выразителем». «Трудно представить себе размеры ущерба, нанесенного складу ума целых поколений... проповедями этого главного приверженца мессианства». Когда Мицкевича называли гением, Вацик возражал: «Не всегда гений является благословением для своего народа. Невозможно оспаривать величие Мицкевича как поэта. Но Мицкевич как историософ и учитель своего народа это иное дело.

В этом облике он оставил о себе память как о гении зла». Его «Книги польского народа и паломничества» критик А. Сандауэр называл самой вредной польской книгой. Вред ее он видел в том, что Мицкевич проповедовал в ней нелепую концепцию мессианства и культ терпения.

Мицкевича знают все, а кто-нибудь у нас слышал имя Станислава Выспяньского? А между тем именно его, а не Мицкевича Ян Стахнюк, основатель общества «Задруга», считал величайшим поэтом Польши. В своей драме «Легион», написанной в 1900 году, С. Выспяньский развенчал Мицкевича как предателя своего народа и сиониста. Дело в том, что Мицкевич приехал в 1855 году в Константинополь в сопровождении Армана Леви, его секретаря, друга и воспитателя его детей, активиста Альянс Израэлит Универсаль и масона 33-й степени. В Турции на деньги Ротшильда они стали создавать еврейский легион с целью овладения Иерусалимом. Вот с кого хотел «сорвать ярмо» Мицкевич: даже не с поляков и тем более не с русских, а с евреев!

Но вернемся от Мицкевича к статье П. Тулаева. Он утверждает, будто «поляки одна из наиболее гомогенных наций, что свидетельствует о ее древности и автотонности». Гомогенной польскую нацию считать нельзя: после того, как по территории Польши прокатились волны стольких миграций, местному населению трудно было остаться гомогенным, т.е. однородным. Как отмечал Ганс Ф.К. Гюнтер, на севере Польши сравнительно много нордической крови, но к востоку ее процент уменьшается и увеличивается процент восточно-балтийской, а Отто Рехе выделял в южной Польше особую судетскую расу пришельцев из Азии, носителей примитивной культуры.

Так что полякам не приходится особенно кичиться перед нами своей «гомогенностью». Зато крайне удивляют рассуждения П. Тулаева о том, что ни Польшу давил, с одной стороны, военно-политический пресс германцев, а с другой – «разноплеменная евроазиатская орда, меняющая религии и идеологии, от православного христианства до интернационального коммунизма». Такие выражения употребляла, говоря о русском народе, геббельсовская пропаганда, любят их повторять и современные прибалтийские, польские и украинские националисты.

Удивляет также, каким образом в число польских национальных героев попал еврей Станислав Лем? Он, конечно, великолепный, несравненный фантаст, но, увы, не поляк.

По словам П. Тулаева, «польская шляхта и подчиненная ей Литва в условиях временного ослабления Руси, покоренной монголо-татарским игмом, сумела овладеть частью ее западных земель». Земли эти первоначально попали под

власть Великого княжества Литовского (точнее литовско-русского), которое до конца XIV века не зависело от Польши – Польша в этом веке поживилась только Галицкой Русью, проглотить же Литву ей и после унии удалось не сразу, а лишь в 1569 году – Россия к тому времени давно уже освободилась от татарского ига.

Мы привыкли представлять себе Польшу как католическую страну, а между тем в XVI веке она чуть было не перешла в протестантство. В том же 1569 году в сейме среди светских сенаторов было 58 протестантов, двое православных и 55 католиков. Наше «смутное время» было смутным и для Польши: в 1607—1608 годах там бушевал мятеж протестантских магнатов.

«Скандально знаменитое царствование Марины Мнишек», которым возмущается П. Тулаев, продолжалось всего девять дней, с 8 по 17 мая 1606 года, а дальнейшей судьбе этой «авантюристки» не позавидуешь, как и судьбе польского гарнизона, введенного в Москву в 1610 году по просьбе бояр для защиты столицы от Тушинского вора. «Победа» 4 ноября 1612 года была одержана над четырьмя тысячами вконец оголодавших и дошедших до людоедства поляков. Победы такого рода, да еще сопровождающиеся истреблением пленных, не делают чести победителям и праздновать их нечего.

Лучше было бы вспомнить конец XVII века, когда польский полководец Ян Собеский разбил турок под Веной, и заключил с Россией вечный мир, после чего Россия примкнула к «Священной лиге» Австрии, Польши и Венеции. Совместными усилиями удалось освободить от турок Подолию. Это был прекрасный пример европейского единства в борьбе против чужеродных сил.

Руководители «Задруги» очень не любили времена польской шляхетской республики, Речи Посполитой (их воспевание тоже ставилось в вину Мицкевичу). Они считали, и были вполне правы, что именно шляхетские свободы привели польское государство к гибели. Но, с другой стороны, наш «разочарованный славянофил» К. Леонтьев, утверждая, что славяне не дали миру в области государственного строительства ничего оригинального, оговаривал: кроме действительно ни на что не похожей польской шляхетской республики. Быть ни на кого не похожим, разве уж не значит реализовать себя в истории?

О разделах Польши я сам говорить не буду, предоставляю слово другому человеку. «Я громко признаю это братоубийством, историческим преступлением. Правда, русский народ был чист в этом случае. Не он совершил это преступление, не он и ответственен... Во всей нашей истории я не знаю более гнусного дела, чем раздел Польши между немцами и нами... Долго еще русские будут краснеть за эту печальную страницу из своей истории». Кто это сказал? Какой-

нибудь революционный демократ-полонофил? Нет, прославленный русский герой, генерал М.Д. Скобелев.

Иногда у П. Тулаева ни с того, ни с сего проявляются вдруг проамериканские настроения. Он восхваляет «молодую американскую демократию в лице Т. Костюшко» за помощь народной войне 1794 года. Но это «молодая американская демократия», наоборот, должна была благодарить за помощь ей европейских добровольцев, таких как Лафайет и Костюшко.

Царство, а не «Королевство» Польское после подчинения России просуществовало более столетия отнюдь не в одном и том же качестве. В 1815 году Александр I даровал Польше конституцию, которой десять лет спустя тщетно пытались добиться и для нас декабристы. Польша получила известную политическую и национальную автономию, она имела свою национальную армию. Все эти дары Александра I были отобраны у нее после восстания 1830—1831 годов.

Когда в 1918 году возродилось Польское государство, Пилсудский отнюдь не был «диктатором», его власть была ограничена уже в феврале 1919 года, т.е. еще до войны с Советской Россией, т.н. Малой Конституцией. Несколько лет он был не у дел, но потом ему надоело наблюдать демократический бардак, и он установил диктатуру в мае 1926 года.

Польша времен Пилсудского ни в коей мере не была «мирным раем». Начало 30-х годов ознаменовалось чередой крестьянских восстаний, особенно в областях, населенных украинцами. Репрессии тех лет откликнулись в 1943—1944 годах резней, которая напомнила полякам о временах гайдамаков, воспетых Тарасом Шевченко.

П. Тулаев явно путает два события: восстание в Варшавском гетто в 1943 году и августовское восстание 1944 года. Именно после этого второго восстания Варшава была разрушена.

Но самая неприятная часть статьи П. Тулаева это описание им конца войны. «Когда русский Иван-освободитель дошел до Одера, только армия США смогла остановить его напор». Если бы это написал изменник Родины Резун, по которому давно альпеншток плачет, и вымыслы которого об агрессивных планах Сталина хорошо оплачиваются западными спецслужбами, было бы понятно, но П. Тулаев-то с чего взял, что Сталин в 1945 году намеревался захватить всю Европу? И тут же опять: «Если бы советская и американская армии встретились на Лабее...» Да они там и встретились! Давно вошло в исторический обиход выражение «встреча на Эльбе».

Зоны оккупации Германии были определены еще в Ялте. И не советские войска залезли в чужую зону, а американцы в нашу. Правда, потом, как и положено, отошли на заранее оговоренную границу. Да если бы, в самом деле, советские войска вознамерились продолжать наступление, разве американцы смогли бы их остановить? Черчилль признался в 1955 году, что он, боясь этого, приказал на этот случай собирать трофейное оружие, чтобы раздать его военнопленным немцам. Не надеялся он ни на американцев, ни на своих англичан – только на немцев.

Людские потери страны исчислялись миллионами, разрушения, причиненные войной, были колоссальны. В таких условиях только и начинать новые войны! За каких идиотов считает П. Тулаев советских руководителей? Страна только и жила ожиданием того момента, когда можно будет, наконец, приступить к восстановлению. А через три месяца предстояло еще воевать с Японией и, в соответствии с союзническими обязательствами, войска спешно перебрасывались с Запада на Восток. С точки зрения П. Тулаева это была, очевидно, военная хитрость: так ловчей было напасть на беззащитную Европу.

По сравнению с этими перлами кажется уже просто мелочью, что П. Тулаев понизил в звании К.К. Рокоссовского, назвав его «будущим маршалом» в контексте, в котором речь идет о пребывании Рокоссовского на посту министра обороны Польши. Рокоссовский стал маршалом еще в войну, в Польшу его послали после войны еще при Сталине, а не после заключения Варшавского пакта в 1955 году. В следующем, 1956 году, в Польше начались волнения, и Рокоссовский вернулся в СССР.

При власти коммунистов поляки регулярно бунтовали. В 1956 году они снова привели к власти Гомулку, а через 14 лет скинули его. Когда же началось движение «Солидарность», его удалось временно подавить лишь с помощью военной диктатуры. И в 1989 году, когда стала разваливаться социалистическая система в Европе, поляки опять были в первых рядах ее разрушителей.

Теперь Польша – член Европейского Союза и НАТО. Казалось бы, чего ей еще? Живи да радуйся. Нет, и в Европейском Союзе на Польшу уже посматривают косо. Вместо того чтобы выбрать местных Гайдаров, она возьми да и выбери братьев Качиньских, консерваторов и традиционалистов. Правда, настроены они антирусски и антинемецки и это плохо, но это им бы еще простили, а вот неуважение к гомосекам, отношение к которым сейчас служит мерилем демократии, это уже грех без прощения. А еще Качиньские хотят восстановить в Польше смертную казнь – ужас! Мало того: даже к главным хозяевам, к США, нынешние польские власти начинают испытывать раздражение. Выиграл поль-

ский гонор: С какой это стати нам указывают, что и как нам делать? Что мы, сами не знаем?

Ошибки, допущенные П. Тулаевым, было бы легко исправить: просто надо было перед тем, как писать на эту тему, посоветоваться со специалистами. Гораздо хуже политические просчеты, допускаемые в отношениях с Польшей, а эта страна заслуживает большего внимания, нежели ей уделяется.

Де Голль когда-то писал, что Франция перестанет быть Францией, если не будет играть в истории особую роль. Об оригинальности польской истории уже говорилось выше. Не похоже, что польский национальный характер утратил присущие ему особенности. Польша, действительно, «неизвестная» страна, в том смысле, что неизвестно, чего от нее можно ожидать.

А.М. Иванов
12-13 ноября 2006

БЛАГОДАРНОСТЬ ТУЛАЕВА ПАВЛА ВЛАДИМИРОВИЧА

Выражаю благодарность Анатолию Михайловичу Иванову за критические замечания к моему газетному очерку «Неизвестная Польша», который был опубликован более года тому назад в вестнике Родового Славянского Веча «Слава!» №4. Замеченные им неточности я обязательно учту при возможном переиздании статьи в будущем.

Правда, мне не совсем понятно, зачем редакторскую по сути работу надо было публиковать в средствах массовой информации?

Замечу также, что мою исключительно дружественную по общему тону статью о Польше просматривали до публикации наши польские соратники Ждислав Словинский и Сташко Потребовский, чьи замечания были учтены.

Ещё пожелание к администратору сайта «Велесова Слобода». Когда публикуется критика того или иного текста, необходимо рядом помещать либо сам анализируемый документ, либо ссылку на него. В связи с этим, посылаю Вам оригинал статьи "Неизвестная Польша" для публикации, чтобы читатели смогли непосредственно сравнить две точки зрения.

Павел Владимирович Тулаев
Москва, 19 ноября 2007 г.

Павел Тулаев

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОЛЬША

Польша – такое знакомое имя, и такая неизвестная страна. Что знает наш современный читатель о ней? Пару городов, пару политиков и какую-нибудь поп-звезду – вот и все. Негра или китайца нынче в Москве можно встретить гораздо чаще, чем поляка.

Интеллигенция, конечно, считает, что она знает Польшу. Любой политик при случае напомним вам о том, что Пушкин дружил с Мицкевичем, а поляк Дзержинский возглавлял ЧК. Наиболее образованные люди еще вспомнят вальсы Шопена, которые они играли в музыкальной школе, а русские националисты с подробностями опишут историю антипольского восстания под руководством Минина и Пожарского.

Научные библиотеки хранят многие тома специальной и художественной литературы о Польше. Но кто их у нас читает? Разве что урожденные поляки, проживающие в России, или будущие полонисты, чьей профессией является изучение одной из сотен стран мира.

А между тем, поляки – прямые родственники русских, украинцев и белорусов, которые вместе составляют ядро славянского суперэтноса. Великодержавные политики считают Польшу маленькой страной, но для нас, славян, поляки весьма значительная часть Белого мира. Ведь в современной Польше проживает около 40 миллионов человек. При этом поляки одна из наиболее гомогенных наций, что свидетельствует о ее древности и автохтонности.

Уникальность Польши, с географической точки зрения, состоит в том, что она расположена в самом центре Европы. Польские аристократы любят повторять: «Нам не надо становиться европейцами, мы и есть таковые». Польша раскинулась от Лабы до Вислы и от Карпат до Балтийского моря, где испокон веков проживали венды – предки западных славян. На сравнительно небольшой территории сочетаются разные природные зоны и климаты: горы сменяют долины, а поля и леса – песчаное Поморье. Сегодня большинство поляков проживает в городах, таких как Варшава, Гданьск, Познань, Щецин, Вроцлав, Краков, где сосредоточились торговля и промышленность. Но еще каких-то сто лет назад большую часть населения составляли крестьяне с патриархальным укладом.

Особенность геополитического положения страны во многом определила и польскую историю, полную драматических конфликтов между Западом и Востоком. С одной стороны на нее давил военно-политический пресс германцев, при-

крывающих свою агрессию католицизмом, а с другой стороны – разноплеменная евроазиатская орда, меняющая религии и идеологии, от православного христианства до интернационального коммунизма. В этой многовековой борьбе за самосохранение полякам удалось выработать свой особый тип государственности, сочетающий славянский аристократизм и аскетичный католицизм. Надменный сармат с саблей на боку, гусарским пером на шапке и католическим крестом на груди – таков образ классического поляка.

Нашим западным братьям, действительно, есть, чем гордиться. Это древние истоки славянского (венедского) мира, эпоха античной и средневековой колонизации Балтики, богатая языческая культура, успешные битвы на море и на суше, изящная словесность и латинская ученость, целая плеяда талантливых художников и пламенных революционеров. Школьные учебники и туристические путеводители с любовью излагают биографии таких национальных героев как князя Мешко и Болеслав Храбрый, астроном Николай Коперник и живописец Ян Матейко, писатель Станислав Лем и композитор Кристоф Пендерецкий.

На весь мир прославились польские красавицы: розовощекие, златокудрые, веселые и игривые. Не случайно, герб Варшавы украшает обольстительная сирена, а седые легенды хранят память о Богине Живе, покровительнице рода и семейного благополучия. Ни одна хрестоматия не обходится без упоминания подвига королевской дочери Ванды, покорившей сердце знатного германца, но не захотевшей стать его служанкой. О ее гордости сложены народные стихи:

*Ванда лежит в польской земле,
Что не прияла немца.
Лучше супруга иметь своего,
Нежели чужеземца.*

Есть в истории Польши и черные страницы, в которых Россия сыграла неоднозначную роль. Это, прежде всего, три территориальных раздела Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией в конце XVIII века. Началась эта драма с того, что польская шляхта и подчиненная ей Литва в условиях временного ослабления Руси, покоренной монголо-татарским игом, сумела овладеть частью ее западных земель, включая города Минск, Полоцк, Вильно, Гродно, Львов, Киев. Католическая экспансия на православный восток под эгидой Ватикана завершилась скандально знаменитым царствованием в Кремле польской авантюристки Марины Мнишек, жены Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. На Украине поляки получили решительный отпор со стороны казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким, а в Московии, поднявшей имперские стяги Византии, завершилась народным восстанием под руководством Минина и Пожарского, которое привело к воцарению новой русской династии. Немецкая аристокра-

тия, построившая и возвысившая северную столицу империи в Санкт-Петербурге, сумела разделить между коронами родственных государей при помощи дипломатии, династических маневров и политического коварства наследие Речи Посполитой, которая раскинулась к XVII веку от Балтийского до Черного моря.

В результате первого раздела в 1772 г. в православную империю вернулась часть Белой Руси, Пруссия получила земли Польского Приморья, а Австрия захватила часть краковских земель и Украины со Львовом. Второй раздел в 1793 г. привел к присоединению Правобережной Украины и Минска, а Пруссия захватила Гданьск, Торунь и Великую Польшу, коренные польские земли. После третьего раздела в 1795 г. Россия заняла оставшуюся территорию Беларуси, а также часть Литвы и регион украинской Волыни; Австрия и Пруссия поделили Малую Польшу и Мазовию, включая Варшаву.

Такой хищный империализм не мог не вызвать негодования у свободолюбивых поляков. Они подняли восстание против иноземных поработителей. Эта народная война получила поддержку сначала со стороны молодой американской демократии в лице Т. Костюшко, а затем была направлена революционной армией Наполеона Бонапарта против царской России. Западный император пытался создать из Варшавского герцогства вассальное по отношению к Франции государство, но полный крах его восточной кампании привел к очередному переделу Польши, которая на этот раз стала королевством, подданным русскому царю.

В таком качестве Королевство Польское просуществовало более столетия, сохраняя наиболее консервативные устои и сословные привилегии. Очередные народные восстания в таких условиях приобретали откровенно антирусский характер, и сам образ поляка того времени стал синонимом революционера. Ни дипломатия Священного Союза, ни религиозная реакция, ни насильственная русификация не смогли покорить гордых поляков. Они настойчиво и целеустремленно добивались разрушения Российской империи.

И когда польский революционер Дзержинский организовывал из коммунистической Москвы «красный террор» против наиболее непримиримых белогвардейцев, его старые соратники отстаивали идеалы социал-демократии в интересах Королевства Польского и Литвы. Во мгновение ока революционеры-националисты, подстрекаемые политической закулисой, аннулировали договоры царского правительства о разделах Польши и признали за поляками право на полное самоопределение. Революция рабочих и крестьян так пришлась по вкусу польскому пролетариату, что он направил свою армию к советским границам. В результате кавалерийской атаки поляки в 1920 г. оккупировали значительную часть Украины и Беларуси, передав захваченные земли своей шляхте.

Эти территориальные и сословные завоевания как раз и охраняла военная диктатура во главе с диктатором Пилсудским. В годы юности этот бравый вояка был глубоко оскорблен попыткой насильственной русификации в стенах Варшавского университета, и, придя к власти, он решил сам отомстить царизму полонизацией бывших восточных окраин Речи Посполитой.

Конечно, по сравнению с коммунистическим адом, породившим социальный хаос, интеллектуальную деградацию, расказачивание, голодомор, ГУЛАГ и прочие кошмары советского режима, национально-реваншистская диктатура Пилсудского была для поляков мирным раем. Дабы сохранить этот рай от красной опасности, исходящей с востока, Пилсудский в 1934 г. заключил договор о ненападении с гитлеровской Германией. Однако западные братья по классу имели поляков в виду и, следуя законам геополитики, 1 сентября 1939 г. оккупировали Польшу по договору Молотова–Риббентропа.

Надо сказать, что больше всего от этого нового раздела досталось не большевикам, а евреям, этой вечно кочующей нации. Когда-то они бежали от ужасов инквизиции из Испании и Германии на восток, и нашли приют в Польше, Литве и Западной Украине. Долго русские цари не выпускали их дальше черты оседлости. Однако законы прогресса и пресловутая борьба за равенство привели к тому, что жида сначала выкупили себе гражданские права, а затем возглавили наиболее радикальные революционные организации. Гитлеровский режим, стремившийся физически уничтожить еврейство и его влияние во всем мире, последовательно проводил эту линию на территории оккупированной Польши, что автоматически привело евреев в ряды антифашистской оппозиции и союзников Красной Армии. Однако знаменитое восстание Варшавского гетто в 1944 г. проходило стихийно, не под коммунистическими или советскими знаменами. Оно было жестоко подавлено нацистами, а сам город безжалостно разрушен. Теперь об этих временах напоминают лишь туристические открытки, где на месте современных улиц и кварталов запечатлены руины старинной Варшавы.

Казалось бы, Польше уже никогда не подняться на ноги, но в тот исторический момент перевес сил оказался на стороне славян. Они не забыли о своем исконном родстве, не смотря на догматизм современной интернациональной идеологии. Когда русский Иван-освободитель дошел до Одера, только армия США смогла остановить его напор. И границей Западной Польши стала река Одра. А если бы советская и американская армии встретились на Лабее, где испокон веков жили полабские славяне, может быть, сегодня там был бы западный край Польши? Это не столь невероятно, как кажется на первый взгляд. Ведь лужицкие сербы предлагали Сталину создать новое славянское государство в союзе с Чехией и Словакией. Однако идеалы панславизма не совпадали с планами ком-

мунистического Кремля, протянувшего руку помощи алеющему Востоку и пробуждающемуся Черному континенту.

Только после того, когда Запад создал новый агрессивный военный блок НАТО, Советская Армия избрала Польскую Народную Республику (ПНР) в качестве центра для оборонительного Варшавского договора. Роль поляков здесь была подчиненной, да и управление страной фактически осуществлял «генерал-губернатор» Константин Рокоссовский, будущий советский маршал польского происхождения. Однако этническая и территориальная целостность Польши была восстановлена. Благодаря интенсивным методам плановой экономики, над которой сегодня безосновательно смеются сторонники монетаризма и шоковой терапии, разрушенная страна за считанные годы поднялась из руин. Вновь отстроили ее не карикатурные коммунисты из юмористических журналов, а простые трудяги, на которых держится земля. Сегодня стало модным принижать и критиковать достижения социалистического периода, но реально нынешняя Польша никогда не откажется от тех прав и территорий, которые она получила в результате Второй мировой войны.

Когда мировая закулиса поставила своей целью уничтожить Варшавский договор как основу восточно-европейской безопасности, она безошибочно избрала в качестве мишени Польшу и ее лидера – Польскую Объединенную Рабочую Партию (ПОРП). Главным инструментом влияния был избран католицизм, для чего Запад назначил Папой Римским урожденного поляка Карела Войтилу, получившего духовное имя Иоанна Павла II. Через сеть костелов христианским консерваторам удалось сплотить тех националистов, которые были непримиримы к советской системе. Из массы католицизированных рабочих и крестьян сформировалось мощное антикоммунистическое движение «Солидарность». Правую оппозицию поддержали богатые соотечественники-эмигранты, имевшие опыт деятельности в условиях рыночной экономики. И процесс реставрации буржуазной демократии стал необратимым. Военно-демократический режим генерала Ярузельского, ставленника Варшавского договора, смог лишь притормозить темпы вестернизации Польши, и после победы политической «Солидарности» во главе с Лехом Валенсой, она упала в объятия НАТО.

Критическая и разрушительная часть программы оппозиции была реализована. Польша вышла из рядов социалистического содружества и стала стратегическим союзником США. Началась тотальная либерализация государства и общества, что создало максимально удобные условия для экспансии западных фирм. За считанные годы Польшу наводнили тысячи зарубежных и так называемых «смешанных» предприятий. Наиболее крупные из них: банки, судовой верфи, авиационные заводы, парфюмерные и кондитерские фабрики, супермаркеты скупил американцы, немцы, французы, а мелкие лавочки и индивидуальные сельские

хозяйства достались предприимчивым аборигенам. О развитой некогда электронной и радиотехнической промышленности остались одни воспоминания. Загрузка морских и речных портов стала зависеть от маршрутов Атлантического флота. Политики стали покупаться и продаваться подобно проституткам, наполнившим фешенебельные бордели Америки и Европы. Русский язык перестали преподавать в средних школах, оставив его лишь в качестве специальности на филологических факультетах. Ему на смену пришли английский и немецкий, которые пропагандируют десятки каналов телевидения, сотни поп-звезд и артистов Голливуда. Последние «достижения» европеизированной Польши: это размещение на своей территории военных баз НАТО, формирование зависимой от западной Европы экономики, которая готовится к замене национальной валюты – злотых – на ЕВРО, наконец, общая деградация культуры и самого населения..

По сценарию архитекторов новой Европы, где Польше отведена роль западного авангарда на Востоке и Юге, потребительский рай не должен допускать и мысли о возможности некоей конструктивной альтернативы данному status quo. Зато громко звучат голоса протеста хулиганов-малолеток, анархистов и сексуальных меньшинств. Им мало свободы, их не удовлетворяет традиционный уклад семьи, помимо алкоголя и никотина им надобна еще легализация сильных наркотиков.

Однако, у деградирующей и вымирающей Польши, где уже около половины населения составляет армия безработных, все же есть стратегическая альтернатива. Это не христианский рай, не интернациональный коммунизм, не евразийский империализм, а другая Европа – основанная на исконных славянских корнях и традициях, национальная и процветающая в своем многообразии, более здоровая и трудоспособная. Странники такой Европы есть не только в Польше, но и в соседних странах, стремящихся к большей самостоятельности и культурной автономии. Пограничные с Польшей государства: Россия, Литва, Беларусь, Украина, Словакия, Чехия, Германия, из которых пять населяют преимущественно славяне, заинтересованы в том, чтобы Восточная Европа не потеряла своей самобытности, природной красоты и экономической независимости.

Одной из немногих политических сил, последовательно защищающих коренные интересы нации, является партия Polska Wspolnota Narodowa (Польское Народное Общество), которую возглавляет пан Болеслав Тейковский. Общество представляет собой сравнительно немногочисленную, но боевую организацию, ведущую ежедневную борьбу за самостоятельность Польши, процветание Рода, преданность Отечеству, социальную справедливость и интересы всех слоев трудового населения. Партия имеет свою газету «Wspolnota» (главный редактор Барбара Кригер), где освещаются не только национальные события, но и наиболее важные факты из жизни других славянских стран. ПНО стала одним

из главных инициаторов возрождения международного славянского движения, новый этап которого начался в Праге в 1998 г.

По-своему видят будущее родной Польши правые радикалы молодого поколения, представляющие неоязычество как религиозно-культурную альтернативу католической цивилизации. Основу этой идеологической линии заложил еще в первой половине XX века философ Ян Стахнюк и его сподвижники из общества «Задруга». Они основали общины Родной Веры (Rodzima Wiara) и политические организации нового типа, такие как «Орден Задруга – Полночный Волк» и «Никлот». Польские правые радикалы издают независимые печатные издания: «Триглав», «Живел», «Секуриус», «Одала», «Лехия Страгона» (последние три уже, к сожалению, не выходят – Ред.), которые вместе образуют языческий пласт молодежной культуры. Особое место в ней занимает музыка Белого сопротивления, где лидирует рок-группа «Хонор». Автору посчастливилось познакомиться с руководителями этих организаций и изданий в Польше. По нашему приглашению они приехали для обмена опытом в Москву и приняли участие в молодежной секции VIII Всеславянского съезда в апреле 2001 г. Потом состоялась еще несколько важных встреч, которые, в конце концов, привели к решению провести IV Родовое Славянское Вече в Щецине.

Участие поляков в культурном обмене с другими славянскими организациями проявляется в разных формах: они приезжают на научные конференции, фольклорные фестивали, концерты, участвуют в народных праздниках Союза Славянских общин, представляют интересы своих стран на Родовом Славянском Вече, обмениваются информацией через Интернет на панславянском портале www.rodoved.info

Конечно, это только начало. Возможности славянского сотрудничества неисчерпаемы, а мы используем лишь их малую часть. Для углубления и расширения плодотворного взаимодействия недостаточно обмена президентскими визитами и увеличения торгового оборота. Прежде всего, надо сломать стену недоверия, быть готовыми к пониманию и изучению друг друга. Престиж наших родных языков должен быть снова поднят на заслуженную высоту, а народная культура должна получить новое дыхание в своем естественном развитии. Родные Боги, Родная Земля, Родная Вера – источник и надежный щит нашей генетической полноценности, национального достоинства и процветания славян.

И главное – кто будет осуществлять многовековую мечту о братстве народов? Для ее воплощения в жизнь нужны конкретные люди со светлыми головами и золотыми руками. Поэтому мы очень дорожим теми нашими соратниками и друзьями, которые сохранили дух родства и традиционную дружбу между славянами. Это упомянутые Барбара Кригер и Болеслав Тейковский, глава «Родзимой

Вяры» Сташко Потребовский и издатель Ждислав Словинский, молодые лидеры «Северных Волков» Адам из Кошалина и Виктор Львовский, активист «Самобороны» Матеуш Пискорский и родновер-реконструктор Игорь Горевич. Им автор и посвящает свой очерк о Польше.

Павел Тулаев

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).